

рами мне казались те, кто играл актеров. Жаклин Биссе была так красива, а меня даже не гримировали! Я все время была в этих идиотских очках и моя единственная любовная сцена — с Бернаром Мене!

— Какое впечатление произвел на вас Трюффо?

— Поначалу я

— Я никогда по-настоящему не боялась смерти. Меня пугает дряхлость, болезнь, инвалидность — все, что может ждать человека в конце жизни. «Зеленая комната» не только помогла мне приручить мои страхи, но и понять, что с мертвыми можно вести диалог. Недавно я потеряла мать, но сейчас чувствую, что она рядом.

— Вы дружили с Трюффо до его смерти?

— Да, мы оставались друзьями. Он всегда был верен своим актерам. На съемочной площадке «Американской ночи» он просил, чтобы все были «на ты». Но я не могла говорить ему «ты», говорила «вы».

— Он не сердился на вас, когда вы снимались у Пиала и Годара, с которыми он был в ссоре?

— Он не сказал мне ни слова упрека. И, кстати говоря, Пиала предложил мне сниматься в его фильме «С разинутым ртом» после того, как увидел меня в «Американской ночи». Франсуа говорил, что это замечательный проект. Когда я снималась у Годара в филь-

просто восхищалась им издали. Не могу сказать, что была под впечатлением, но Трюффо каким-то образом научил меня любить кино, — до встречи с ним я думала только о театре. Он ничему не учил меня специально. Позже, работая над «Зеленой комнатой», мы подружались. Помню, он говорил: «На съемочной площадке должен быть козел отпущения — что-то вроде клапана для слива негативных эмоций». Трюффо очень любил актеров и верил в них. Он помогал им раскрепоститься, обрести уверенность в своих силах. Он получал почти физическое удовольствие от хорошей актерской игры. Съемки «Зеленой комнаты» были странные: мы снимали на кладбищах, и нам все время было хорошо и весело. Франсуа все время напевал «Румбу» Алена Сушона.

— Изменилось ли после этого фильма ваше отношение к смерти?

ме «Спасайся, кто может», Франсуа расспрашивал меня о работе с ним. Конечно, между ними были взрывчатые отношения, но я чувствовала, что в глубине души все они уважают друг друга.

— Говорят, обстановка на съемочной площадке Пиала сильно отличается от идиллии Трюффо.

— Это еще мягко сказано. Поработав с Франсуа, я решила, что кино — волшебная сказка. Пришла к Пиалу, и поняла, что это — сплошное страдание. У меня с ним сложились хорошие отношения, но меня бесило его отношение к Филиппу Леотару — тем более, что Филипп в то время был моим спутником жизни. Пиала был с ним жесток. Филипп — прекрасный актер, мне довелось пережить с ним великолепные моменты и в театре, и на съемках, хотя он, конечно, непростой партнер. Он легко вступает в конфликт с режиссером, им трудно руководить. Это

актер-автор, который не захотел стать настоящим автором и предпочел остаться актером, хотя ему и пришлось из-за этого страдать.

— На съемках «Пощечины» вы познакомились с Изабель Аджани.

— Мы уже были знакомы. Когда я училась в Консерватории, она была подружкой Дюссолье. Мы с Изабель поладили, но никогда не говорили о работе — только о женских проблемах. Ей повезло — ее открыли сразу. Я нашла гармонию между собой и своим имиджем в гораздо более зрелом возрасте.

— Это произошло в начале 80-х, когда вы сыграли в «Провинциалке» и «Неделе отпуска»?

— О нет! Тогда все почему-то решили, что я робка и склонна к депрессии. Мне долго пришлось бороться с последствиями этих ролей. Меня, коренную парижанку, много лет принимали за провинциальную кузину! Но, конечно, по большому счету мне повезло. На «Неделе отпуска» я встретила с Тавернье.

— А потом вы сыграли в «Возвращении Мартина Герра» роль, которая первоначально предназначалась Миу-Миу.

— Я не знаю, почему она отказалась — надо будет спросить при случае. А я должна была сниматься в «Ударе грома», но съемки накладывались на график фильма «Я вышла замуж за тень». «Мартин Герр» — это были замечательные съемки. Я встретила с Жераром Депардье, с которым раньше играла в театре. Когда-то он помогал мне, снимал для меня квартиру на Монмартре и поддерживал меня морально в те месяцы, когда не было работы. Поэтому, когда мы встретились на площадке, сразу же почувствовали себя сообщниками.

— Вас удивил успех фильмов «Доносчик» и «Я вышла замуж за тень»?

— Успех «Доносчика» — нет. Но после него началось настоящее безумие масс-медиа, и это было неожиданно. А что касается «...тени», у меня не сложились отношения с режиссером Робинотом Дависом, и я была уверена, что сыглася в самом конфузном фильме в моей карьере. Накануне премьеры я сбежала в Мексику, чтобы не присутствовать при моем позоре.

— В 1983 году, получая «Сезар» за «Доносчика», вы посвятили его Рому Шнайдер.

— Я всегда ею восхищалась, хотя мне довелось увидеть ее всего один раз. Это было на обеде в честь завершения съемок «Прохожей из Сан-Суси». Она плохо себя чувствовала, но была со мной очень добра, хотя обычно не очень-то жаловалась женщинам. Она сказала мне: «Ты настоящая актриса. В тебе есть подлинность. Учись защищаться». Я восприняла ее слова как завещание и подарок.

— Год спустя после «Сезара» вы получили рекордный гонорар за фильм «Берег правый, берег левый» — 2,5 миллиона франков.

— Вся реклама этого фильма строилась вокруг наших гонораров. Это было конфузно, позорно, и все, что я могу вам сказать, — я никогда больше не получала таких денег.

— Затем вы снимались у Бертра-на Блие в фильме «Наша история», который с годами стал культовым.

— Я была счастлива еще раз встретиться с Берtrandом после «Отчима». Я с нежностью вспоминаю работу с Делонем, он сыграл великолепно. Поверьте, он гораздо уязвимее, чем думают многие. Он часто смешил меня, когда я загоняла его в угол.

— Что вы почувствовали, когда Годар взял вашего тогдашнего спутника жизни Джонни Холлидея на роль вашего любовника в фильме «Детектив»?

— Дело было совсем иначе. Это мы с продюсером Аленом Сардом познакомили Джонни и Годара. А сами съемки напоминали галлюцинацию. Лучшие кадры снимались по утрам в гримерной. Джонни был обеспокоен и явно ничего не понимал. Мне казалось, что мы снимаем комедию.

— Все те годы, что вы прожили с Джонни, масс-медиа не отпускали вас ни на минуту. Вам было тяжело?

— Очень. Я научилась быть недоверчивой. Личная жизнь актера не должна наступать на пятки профессиональной, потому что актер интересен только в тот момент, когда он играет. А играть все время невозможно.

— Потом вам пришлось дорого платить за то, что публика вами пресытилась.

— Я не думаю, что это было преднамеренно. Когда люди слишком часто видят лицо актера на страницах журналов и газет, естественно, им уже не хочется смотреть на него в кино. Актер теряет свою таинственность. Но я не очень переживала по этому поводу. Зрители любят открывать актеров заново. Все кумиры должны рано или поздно проходить через чистилище. Люди испытывают необходимость сначала превозносить, потом ненавидеть, потом забывать, а потом открывать заново. В начале карьеры об этом не знаешь. Чтобы понять, нужно через это пройти.

— Что бы вам хотелось услышать о себе через много лет?

— Не знаю. Но зато я знаю, что хотела бы играть как можно дольше, потому что игра — часть моей жизни и способ сохранить душевное равновесие. Я люблю мечтать, но не о своей жизни. Я всегда в пути, но никогда не прокладываю курс. Я люблю идти вперед, но не люблю спешить. Вернее, я люблю делать, как в старом анекдоте: «Помедленнее, Робер, мы опаздываем».

Мишель БАЙЕН